

УДК 316.7

DOI 10.34670/AR.2019.45.5.021

Аксиологический анализ понятия «благородство» в пространстве культуры Германии и контексте современных вызовов

Фидарова Фатима Казантемировна

Кандидат культурологии,
доцент кафедры немецкого языка и культуры,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: fidarova@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена аксиологическому анализу понятия «благородство», зародившемуся в бюргерской культуре Германии, и его проблематике в современной культуре и истории немцев. Востребованность понятия «благородство» в XXI веке вызвана необходимостью охватить человеческим сознанием те жизненные и культурно-исторические феномены в Германии и Европе, которые породили глобальные изменения в сознании общества: провал идеи мультикультурализма, возникновение националистического движения Pegida и Völkerwanderung с 2015 года. Эти феномены у немцев привели к страху потерять свою культурную и национальную идентичность. Опасность «обрушения культуры» Германии, которая стала прямым следствием восприятия указанных явлений, усиливает кризис идентичности личности в немецком обществе. В данной статье сделана попытка системно изложить основную культурно-историческую проблематику, связанную с понятием «благородство» и указать на прямые свидетельства его востребованности в современном кризисном мире. Данное понятие рассматривается не в старом значении принадлежности к «благородному роду», а как духовные достоинства и нравственность индивида в культурном пространстве. Анализ показывает, что личность ориентируется на идеалы поведения, имеющие внутренние и внешние культурные рамки – среди чужих и среди своих.

Для цитирования в научных исследованиях

Фидарова Ф.К. Аксиологический анализ понятия «благородство» в пространстве культуры Германии и контексте современных вызовов // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 5А. С. 160-170. DOI 10.34670/AR.2019.45.5.021

Ключевые слова

Благородство, мультикультурализм, обрушение культуры, бюргерская культура, культурный диалог.

Введение

Масштабные тенденции, характерные для развития культуры и цивилизации начала XXI века, выдвигают актуальность понятия «благородство» в пространстве культуры и истории Германии, можно сказать, наполняют новым качеством. Рассмотрение указанной проблемы тесно связано с необходимостью использования художественного и исторического арсенала «благородство» в мире современности. Для культуры Германии это означает выдвижение на авансцену таких явлений, которые ранее вообще отсутствовали.

Проблема понятий мультикультурализма и *Völkerwanderung* с 2015 года (нем. «новое великое переселение народов») в Германии являются теми явлениями в немецкой культуре и истории, которые требуют выработки нового художественного слова, культурно-критического анализа. Это необходимо для сохранения культурной и национальной идентичности немцев. Не допустить «обрушения культуры Германии» – является сегодня главным призывом политиков и культурологов [Сарацин, 2010, 352].

Йошка Фишер, бывший министр иностранных дел Германии, тоже в 2016 году выразил свои политические опасения относительно будущего западного мира, которые, несомненно, подразумевают в первую очередь обрушение культуры Европы.

«Европа слишком слаба и раздроблена, чтобы заменить Соединенные Штаты в стратегическом аспекте, а без руководства США Западу не выжить. Поэтому сегодня каждому ясно, что западный мир, скорее всего, погибнет у нас на глазах» [Fischer, 2016].

Однако уже в 1923 году бывший участник Западного фронта размышляет о настоящем и будущем Германии и призывает задуматься о спасении Европы, «иначе придет ночь с Востока, расцвет России, Азия сожрет свое неудавшееся дитя, свой маленький полуостров Европу» [Gartenlaube, 1923, 182].

Эти представленные размышления помогут нам перейти к конкретизации поставленных выше вопросов.

Основная часть

Утверждение понятия «благородство» (нем. *edel, der Edelmut*) в бюргерской культуре XVIII века в Германии и его современная ценность для личности, кажутся, на первый взгляд несовместимыми, устаревшими. Поэзия, как основной компонент культуры, поможет нам понять, что понятие «благородство» обусловлено временем. Главное требование к личности Гете определяет в стихотворении «Божественное» (*Das Göttliche*, 1785) и призывает искать его в человеческом сознании:

Благороден будь человек,
Милостив и добр:
Тем лишь одним
Отличаем он
От всех существ,
Нам известных [Гете, Т. 1, 169-171].

«*Edel sei der Mensch, / Hilfsreich und gut! / Denn das allein / Unterscheidet ihn / Von allen Wesen / Die wir kennen*» [Gedichte, 2010, 185-187]. Следует отметить, что *edel* в русском переводе заменен словом «прав».

Гете и всех нас призывает уподобляться высшему существу, Создателю, Божественному, ибо только через свои личные благородные и добрые поступки человек может познать реальное существование Бога.

Очевидно, что этот сложный путь человеку нужен для пребывания в пределах определенной культурной границы, и он четко указан Гете в драме «Тассо» (Torquato Tasso):

Коль хочешь знать о том, что подобает,
То спрашивай у благородных женщин:
Им в высшей мере свойственна забота,
Чтоб все дела пристойно шли кругом [Гете, 1977, 238].

Мы все четко представляем себе понятие «благородство» в старом значении принадлежности к «благородному роду» (von edler Geburt). Однако духовные достоинства, душу и нравственность индивида, т. е. благородство в том значении, которое начинает утверждаться в бюргерской культуре XVIII века, можно осознать через метафору «благородство души и помыслов». Эволюцию значения слова «edel» всеобъемлюще исследовал Гримм. Согласно Гримму, понятие «благородство с XVII-XVIII вв. становится выражением нравственного и эстетического потенциала внутреннего мира личности», т. е. оно неотделимо от внутренней культуры личности, от культурного кода, который заложен в человеке [Grimm, 1984, 55-62].

Мы все легко и непринужденно употребляем в нашей речи выражения «благородное сердце», благородная душа», «благородный поступок». Можно утверждать, что категория благородства скрыта где-то глубоко в личности, в ее душе, в сердце и являются составным компонентом конкретной личности. Тассо указывает нам на эти качества личности:

Но только знай, что сердце каждый час
Безмолвно внемлет предостереженьям
И тайно упражняет добродетель [Гете, 1977, 238].

Таким образом, мы видим, что основной категорией художественного видения Гете является становление, культурный рост личности. «Гете органически тяготеет к становящемуся ряду. Все существующие противоречия он стремится воспринимать как разные этапы некоторого единого развития, в каждом явлении настоящего увидеть след прошлого, вершину современности или тенденцию будущего» [Бахтин, 1994, 38].

Отсюда следует, что, упражняя сердце в добродетели, рождается благородство, которое представляет собой индивидуальное качество личности, индивидуальную ценность и является зеркалом внутреннего мира, мерилем культурного кода.

Кажется, что состояние души личности исключает культурное поведение личности, поскольку «благородство» и «благородный» (Edelmut, edel) связаны с индивидуальным началом в человеке. Однако категорию благородства в другой личности может понять личность с широким культурным восприятием своего мира. Гете словами Тассо убеждает нас в этом, когда он характеризует герцога:

Я не боюсь, Альфонс так благороден.
Он так ко мне великодушен был [Гете, 1977, 211].

Тассо указывает нам, в каком случае личность имеет право обладать категорией „благородство“:

Ужель ты благородно говоришь?
Ужели благородно думать только
Лишь о себе и огорчать друзей [Гете, 1977, 303].

Однако категория «благородство» усиливает себя через культурно-коммуникативное пространство: «Благородный человек притягивает благородных людей» («Ein edler Mensch zieht edle Menschen an»). Это цитату из драмы Тассо в современном немецком языке используют, чтобы торжественно подчеркнуть высокое достижение личности, которой для достижения своей задачи удается привлечь и других выдающихся личностей [Duden, 2008, 149-150].

Именно поэтому Шиллер обращается к благородному человеку *edler Mensch*.

Шиллер в своем стихотворении «Начало нового века» (*Der Antritt des neuen Jahrhunderts*, 1801) глубоко переживает за катастрофическое политическое положение старого Германского рейха, за свое отечество. Шиллер обращается к «благородному другу» (*edler Freund*), который также понимает опасность потери политической независимости, что, как известно, неминуемо ведет к потере культурной идентичности: Благородный друг! Где найдет свободу человек, если старый век грозюю ознаменован, и в крови родился новый век.

*Edler Freund! Wo öffnet sich dem Frieden,
Wo der Freiheit sich ein Zufluchtsort?
Das Jahrhundert ist im Sturm geschieden,
Und das neue öffnet sich mit Mord* [Schiller, 1904, 155-156].

В русском переводе *edler Freund*, «благородный друг» отсутствует. Однако именно он, *edler Freund* – друг, человек понимающий, разумный, наделенный добрыми помыслами, может осознать культурно-политическое положение своего отечества и сделать что-то необходимое, т. е. благородное и как патриот ускорит выход своего отечества из кризиса. На него, на *edler Freund* Шиллер возлагает свои надежды, именно благородный человек может стать опорой своего отечества.

Следует отметить, что понятие «благородство» являлось ключевым и в исследовании немецкого социолога О. Аммона «Расы и их психические особенности» Данное исследование было опубликовано в журнале по литературе и культуре «Гартенлаубе» (*die Gartenlaube*) в 1914. К отдельным различиям европейских рас Аммон относил стремление к независимости, мужество перед врагом, «благородство перед слабым и побежденным, ... чувство к симметрии и красоте, т. е. к искусству, короче, все то, что мы считаем особенно мужественным, человеческим и благородным» („*Edelmut gegen Schwache und Besiegte, ... Gefühl für Ebenmaß und Schönheit, also für Kunst, kurz, alles, was wir für besonders männlich, menschlich und edel ansehen*“) [Gartenlaube, 1914, 13].

Также следует отметить, что и для римлян германцы были благородными дикарями. Об этом свидетельствует самый известный римский источник, посвященный жизни и быту древних германцев, это сочинение Тацита «Германия». Тацит считает германцев варварами, но это благородные создания, не испорченные «соблазнами зрелищ и пиров» [Тацит, 2010, 453].

Пирь германцев, как первый важный фактор межкультурной коммуникации того времени,

также свидетельствуют об их благородстве: «Эти люди, от природы не хитрые и не коварные, в непринужденной обстановке подобного сборища открывают то, что доселе таили в глубине сердца» [там же, 457].

О благородстве германцев свидетельствует также их отношение к женщине. Немецкий культуролог, историк и литературовед Шерр указывает, что самой светлой стороной в нравах старых германцев являются отношения между обоими полами и «положение женщин, положение, несравненно более высокое и благородное, чем то, которое предоставляла женщине классическая древность» [Scherr, 1858, 20].

Продолжая эту мысль об особом благородном положении женщин, Шерр подчеркивает, что в «тени германских лесов вырос такой взгляд на женщину, который составляет величайшую славу немецкого идеализма» [там же, 21]. То, «что женщина – это питающее и согревающее пламя истории, первыми поняли германцы, только они действительно ввели женщину в общество» [там же].

По словам Тацита, германцы видели, «что в женщинах есть нечто священное и что им присущ пророческий дар, и они не оставляют без внимания подаваемые ими советы и не пренебрегают их прорицаниями» [Тацит, 2010, 449].

Таким образом, мы можем говорить о том, что благородство души и помыслов являлось характерной чертой и древних германцев, которое наиболее ярко проявилось по отношению к женщине.

«У истоков культуры всегда могут стоять только самая высокая мудрость и самые благородные помыслы, до которых способны возвыситься лучшие из носителей культуры этого общества» [Хейзинга, 2010, 326].

Но поскольку культура и история созданы человеком, то принципы, по которым они созданы и как следует их модифицировать, следует искать в сознании личности.

Однако возникает вопрос, какая личность обладает благородством – культурный, цивилизованный?

По Иглтону, здесь ставится под вопрос не культура, а определенный набор культурных ценностей. «Быть цивилизованным, или культурным – значит быть одаренным утонченными чувствами, умеренными страстями, приятными манерами и открытым умом. Это значит вести себя разумно и сдержанно, проявлять врожденную отзывчивость к интересам других, самодисциплину и готовность жертвовать своими эгоистическими интересами ради блага целого. Сколь бы замечательными ни были некоторые из этих предписаний, они, конечно, не так безобидны с политической точки зрения» [Иглтон, 2012, 32].

Под сферой политики здесь следует понимать историю и культуру, составляющие основу политической культуры страны. Осознание этих категорий важно, поскольку помогают личности преодолеть культурно-пространственную границу в ином культурно-политическом пространстве.

Саррацин приводит нам яркие примеры трудностей и препятствий на пути мигранта с Востока, которые мешают ему влиться в культурное пространство немцев.

Согласно Саррацину, культурной интеграции препятствует в нарастающем масштабе технико-медийное развитие (спутниковое телевидение). «Благодаря телевизионным программам из стран происхождения „родина“ присутствует в повседневности иммигрантов гораздо осязаемее, и количественный аспект переходит в качественный... Из-за этого возникают напряженные отношения, полюса которых – физическое пребывание в стране, принявшей их, и пребывание во власти страны происхождения» [Саррацин, 2010, 358].

По Саррацину, к культурным различиям принадлежит и склонность к насилию, которая особенно отмечается в молодежной среде с мусульманской миграционной историей.

Саррацин также указывает, что некоторые критики «относительную безуспешность экономической и культурной интеграции мусульманских мигрантов, которая наблюдается по всей Европе, охотно объясняют „расслоением“, поскольку эмигрирует главным образом отсталое деревенское население, а не культивированные горожане» [там же, 359].

Важным препятствием на пути культурной интеграции, согласно Саррацину, являются параллельные общества, поскольку человек предпочитает знакомое и стремится держаться подальше от чужого. Это, на его взгляд, касается языка, блюд, обычаев и обрядов. «Поэтому вполне понятно, что иммигранты в чуждом окружении ищут в первую очередь близости своих земляков, знакомой среды родного языка, своей религии и привычного образа жизни» [там же, 361].

Параллельные общества имеют еще одно препятствие, которое состоит в слабой склонности к изучению немецкого языка и к использованию его в частной жизни, в слабом интересе к обучению вообще.

Таким образом, видно, что параллельные общества – это вид культурной обособленности, в которой игнорируется основной компонент культуры – изучение немецкого языка.

«Культурная задача современной цивилизации и государственности состоит в том, чтобы непобедимые человеческие инстинкты, которые вращаются вокруг территориального принципа и групповой принадлежности с большим или меньшим успехом встроить в государственные или надгосударственные организации» [там же, 314].

При этом «различия в культурном формировании не являются чем-то оскорбительным» [там же, 357]. Саррацин указывает, что величайшие поклонники Италии – такие, как Гете, Бургхардт и Гессе, благоразумно становились итальянцами, хотя и на короткое время.

Из этих примеров следует, что «мы едва ли можем теперь, по примеру Бургхардта, воспринимать культуру как идеальную величину, свободную от связи с определенным государством» [Хейзинга, 2010, 325].

Однако «с конца Первой мировой войны в мире, со всей очевидностью, протекает процесс, который я бы назвал соскальзыванием культуры в сферу политического, при том, что культуру изначально и вполне сознательно оценивали по сравнению с политическим как наивысшее» [там же, 325].

Очевидно, что «в мире государств всегда от одного вынужденного решения переходят к другому» и при этом из виду упускается важный аспект существования личности в рамках определенной культуры [там же, 327].

Гете указывает нам, какую культурно-политическую границу личность может преодолеть, поскольку «человек рожден для малого, его радует лишь постижимое и знакомое» [Эккерман, 2018, 345].

Настоящий знаток, согласно Гете, вглядываясь в картину, связывает отдельные подробности с постижимым для него целым, и перед ним оживает и целое, и все его детали. «Но если мы подведем профана к картине более или менее обширной, то убедимся, что одно в ней его привлекает, другое отталкивает, и в конце концов его внимание сосредоточивается на привычных мелочах и он говорит о том, как хорошо написаны этот шлем и это перо» [там же, 346].

Гете, однако, напоминает нам о необходимости совершенствоваться: «Впрочем, мы, люди, перед великой картиной мировых судеб всегда в той или иной мере оказываемся в положении упомянутого профана» [там же].

Человека в иной культуре радует лишь постижимое и знакомое. В основе такой жизненной позиции заложено культурное поведение, присущее каждому человеку и которое поясняется путем конкретного сопоставления. Только возникновение внутренней культурной связи в сознании мигранта с немцами может разорвать замкнутый мир мигранта. Замкнутое и глухое культурное пространство мигранта услышит, увидит и ответит иной немецкой культуре, в которой он хочет жить и созидать. Культуру в данном контексте следует понимать здесь как систему, охватывающую самые разнообразные формы и стороны общественной жизни.

«Культура, или эстетика, не склоняются в сторону какого-либо специфического общественного интереса, но именно на этом основании является общей активирующей способностью. Культура не так уж противопоставлена действию вообще, будучи творческим источником любого конкретного действия» [Иглтон, 2012, 33]. Однако она «потому ... благоприятствует всем функциям человеческой природы без различия, что она не принимает под свое покровительство одной какой-либо функции в отдельности, и потому она не покровительствует какой-либо отдельной функции, что в ней находится основание всех их» [Шиллер, 2012, 552].

Реализовать культурные идеи трудно, поскольку «человеку свойственно соединять в своей природе самое высокое и самое низкое; достоинство его покоится на строгом различии первого от второго, а счастье – на удачном уничтожении этого различия. Культуре, долженствующей привести в согласие его достоинство с его счастьем, необходимо позаботиться о полнейшей чистоте этих двух принципов при теснейшем их союзе» [там же, 563].

Гете точно указывает нам, что на достижение культурных вызовов необходимо время: «Жизнь не должна идти к своей цели так быстро, как мы полагаем и как бы того хотелось. Демоны вечно путаются у нас под ногами и мешают нам идти вперед; жизнь, правда, продвигается, но очень уж медленно» [Эккерман, 2018, 367].

Следует указать, что Гете называет не поддающуюся выражению загадку мироздания и человеческой жизни демоническим.

«Но сколько бы человечество ни существовало, препятствий на его пути всегда было предостаточно, так же, как и разных нужд, дабы была у него возможность развивать свои силы. Умнее и интереснее, осмысленнее оно, пожалуй, станет, но не счастливее, не деятельнее, или только на краткие периоды. Думается, придет время, когда человечество перестанет радовать Господа и ему придется снова все разрушить и все повторить заново. Я уверен, что дело к тому идет и что в отдаленном будущем уже намечен день и час наступления этой обновленной эпохи. Но времени у нас, конечно, хватит, пройдут еще тысячи и тысячи лет, прежде чем мы перестанем наслаждаться этой доброй старой планетой» [там же, 367-368].

Кто может сохранить нашу планету с данной культурой, которая шлифовалась веками в ходе войн и великих столкновений? Гете указывает нам на такую личность – это великий герцог Карл Август. «Он хотел бы осчастливить все человечество, а любовь, как известно, любовь и порождает, тому же, кого любят, легко править людьми» [там же, 370].

Разумеется, для Гете важно, «что весит человек на весах человечества: все остальное суета сует» [там же, 371]. Следовательно, благородство души и помыслов правителя и человека важны в политическом и культурном пространстве, поскольку они, в конце концов, способствуют общему человеческому благу.

Однако благородство души, данное человеку богом, согласно Гете, необходимо оттачивать. Гете четко описывает это, когда говорит о том, что и великий герцог в молодости много сумасбродствовал. «Благородное молодое вино, как видно, еще не перебродило» [там же].

Совершенно очевидно, что тема благородства является для Гете главным связующим звеном для человека, если человек хочет знать свой вес в культурно-историческом пространстве своей эпохи.

Достойное место человеку в культурно-политическом пространстве обеспечивает слава. Однако для Гете слава странная штука. Гете указывает, что «дерево горит, потому что есть в нем горючий материал, человек приобретает славу, ибо в нем есть материал для таковой. Слава же хочет, чтобы ее искали, и погоня за нею – суета сует» [там же, 375].

Правда, замечает Гете с иронией, разумным поведением и всевозможными уловками можно приобрести некое подобие громкого имени. «Но если внутренняя сокровищница человека пуста, то все это только напрасные хлопоты и завтра он уже будет позабыт» [там же].

Однако для Гете понятие «благородство» для оценки культурного поведения личности занимает главное место. Это видно, когда Гете характеризует членов семьи герцога, отмечая, что «благородство характера свойственно каждому из них» [там же].

Согласно Гете, у человечества всегда было множество препятствий на его пути. Следовательно, мы можем указать на понятие *Völkerwanderung* в Германии как на новое препятствие, однако за всеми понятиями «стоят изменения в структуре человеческих отношений – изменения, явно не планировавшиеся индивидами», которые вынуждены подчиняться этим изменениям, нравятся они им или нет. «Наконец, это относится и к изменениям самого человеческого *Habitus*'а, к процессу цивилизации» [Элиас, 2001, 36].

Немецкий философ-культуролог Элиас указывает также и на другую важную особенность в контексте анализа цивилизации: «Одним из важнейших факторов, вызывающих изменение структуры человеческих отношений и соответствующих им институтов, является увеличение или уменьшение населения. Его нельзя изолировать от всей динамики человеческих отношений» [там же].

Патриоты патриотического движения Германии «Pegida» выступают против мигрантов с Востока и исламской радикализации в своей стране. Это движение в своей протестной борьбе использует провал политики мультикультурализма. Но в противостоянии неизбежно присутствует вспышка «спонтанно родившейся ярости народных масс», ведущая к ужасу [Захаров, Кулишов, 2003, 131].

Все опасения политиков и культурологов, связанные с проблемами культурной интеграции иммигрантов с Востока, как было сказано выше, могут привести к обрушению культуры Германии и Европы.

Однако следует помнить, «что важная роль в культуре всегда придается памяти», а «фиксирование культурной памяти происходит в культурном пространстве, которое становится маркированным и структурированным в соответствии с базовыми концептами памяти» [Лисович, 2013, 103].

Таким образом, проблема притока огромного количества беженцев с Востока имеет цивилизационный характер, она тесно переплетается с вопросами культуры в широком смысле слова: культурная интеграция с новой культурной моделью поведения, осмысление новой культурной идентичности, образование. Проблема благородства должна стать новым ориентиром на пути культурной интеграции.

Сама эпоха выдвинула в Германии культурно-политическое препятствие. Если следовать Гете, то мы не должны драматизировать это противоречие, а стремиться преодолеть его. Однако можно утверждать, что и для Гете огромный приток беженцев с Востока в немецкое культурное пространство стал бы неразрешимым препятствием. Но попытка использовать понятие

«благородство» как идеологическое наполнение во взаимном стремлении культурного объединения немцев и мигрантов может стать новым стимулом для реализации идеи мультикультурализма. Для этого необходим благородный и здоровый идеализм.

«Благородный и здоровый идеализм, быть может, нигде столь явно не заявляет о своем присутствии, как в жизни американского общества» [Хейзинга, 2010, 325].

Гете в своем анализе «благородного человека» выдвигает на первый план культурного и социального пространства, возлагает на эту личность с «благородными помыслами» свою главную надежду, она образец для постижения всего правильного и законного.

Der edle Mensch
Sei hilfreich und gut!
Unermüdet schaff er
Das Nützliche, Rechte,
Sei uns ein Vorbild
Jener geahnten Wesen! [Gedichte, 2010, 187].

В этом контексте возникает вопрос: «возможно ли полное приобщение какого-нибудь народа к культуре, созданной другим народом?» [Трубецкой, 2012, 152].

Под полным приобщением Трубецкой подразумевает такое усвоение культуры чужого народа, после которого эта культура для заимствующего народа становится своею, так что оба – создатель культуры и заимствователь – сливаются в одно культурное целое. Продолжая эту мысль, Трубецкой указывает и признает, что «полное приобщение целого народа к культуре, созданной другим народом, - дело невозможное» [Трубецкой, 2012, 159].

Согласно Трубецкому, полное приобщение к культуре, созданной другим народом, возможно лишь при условии антропологического смешения с этим народом.

Однако сегодня мы имеем в Европе дело с совершенно новым явлением, когда мигранты с Востока должны сделать максимальный выбор из культурных традиций в пользу того же заимодателя культуры, поскольку это прямой и верный шанс для социального слияния с новым обществом. Это огромный культурно-политический вызов современности, который, как было указано выше, таит в себе опасность обрушения европейской культуры.

Заключение

Нарушение культурного равновесия в Германии из-за огромного притока мигрантов с Востока вселяет в немцев страх потерять свою национальную идентичность.

Обрести себя самих в иной культурной и социальной системе – значит иметь способность освоиться в чужом функциональном пространстве.

Выдвижение на авансцену культуры Германии такого явления как «благородство» для интеграции мигрантов с Востока поможет преодолеть неспособность и нежелание личности вступить в сферу незнакомой культуры

Рассматривая культурно-политические вызовы как разные этапы некоторого единого развития, мы действительно в каждом явлении настоящего увидим след прошлого, вершину современности и тенденцию будущего. Аксиологический анализ понятия «благородство» может помочь видеть чужие души, поможет объединить достоинство мигранта с его счастьем,

а это ускорит процесс культурной интеграции мигрантов с Востока, связанной с усвоением индивидом определенных культурных ценностей и норм иной культуры.

Библиография

1. Бахтин М.М. Проблема творчества Достоевского. Киев, 1994. 600 с.
2. Гете В. Собрание сочинений в 10 томах. М., 1977. Т. 1. 528 с. Т. 5. 622 с.
3. Захаров В.В., Кулишов В.Д. В преддверии катастрофы. Германия 1933-1939 гг. М., 2003. 257 с.
4. Иглтон Т. Идея культуры. М., 2012. 192 с.
5. Лисович И.И. Трансформация культурной памяти и научное знание в Европе раннего Нового времени // Знание. Понимание. Умение. 2013. №4. С. 103-110.
6. Саррацин Т. Германия. Самоликвидация. М., 2010. 560 с.
7. Тацит К. Анналы. О происхождении германцев и местоположении Германии. М., 2010. 505 с.
8. Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М., 2012. 336 с.
9. Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб., 2010. 456 с.
10. Шиллер Ф. Собрание сочинений в 6 т. М., 2012. Т. 6. 592 с.
11. Эккерман И.П. Разговоры о Гете. М., 2018. 407 с.
12. Элиас Н.О. О процессе цивилизации. М., 2001. Т. 2. 293 с.
13. Die Gartenlaube. Leipzig, 1914, 1923.
14. Die schönsten deutschen Gedichte. Herausgegeben von Lukas Moritz. Köln, 2010. 672 с.
15. Duden. Zitate und Aussprüche. B. 12. München, 2008. 960 с.
16. Fischer J. Süddeutsche Zeitung. Das Ende des Westens. 12 Dezember, 2016.
17. Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. B. 7. Leipzig, 1984. 977 с.
18. Scherr J. Deutsche Kultur und Sitten Geschichte. Leipzig, 1858. 576 с.
19. Schillers sämtliche Werke in 16 Bänden. B. 2. Stuttgart-Berlin, 1904. 575 с.

Axiological analysis of the concept of nobleness in the cultural space of Germany and the context of modern challenges

Fatima K. Fidarova

PhD in Cultural Studies,
Associate Professor at the Department of German Language and Culture,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: fidarova@inbox.ru

Abstract

The article is devoted to the axiological analysis of the concept of “nobleness”, which originated in the burgher culture of Germany, and its problems in modern culture and the history of Germans. The demand for the concept of “nobleness” in the 21st century is caused by the need to embrace the human consciousness in those life and cultural-historical phenomena in Germany and Europe that have generated global changes in the consciousness of society: the failure of the idea of multiculturalism, the emergence of the nationalist movement Pegida and Völkerwanderung since 2015. These phenomena among the Germans led to the fear of losing their cultural and national identity. The danger of the “collapse of culture” in Germany, which was a direct consequence of the perception of these phenomena, exacerbates the identity crisis in German society. This article attempts to systematically expound the main cultural and historical issues associated with the concept of “nobleness” and point to direct evidence of its relevance in the modern crisis world. This

concept is considered not in the old sense of belonging to a “noble family,” but as the spiritual virtues and morality of the individual in the cultural space. The analysis shows that a person is guided by ideals of behavior that have internal and external cultural frameworks, among strangers and among one’s own kind.

For citation

Fidarova F.K. (2019) Aksiologicheskii analiz ponyatiya «blagorodstvo» v prostranstve kul'tury Germanii i kontekste sovremennykh vyzovov [Axiological analysis of the concept of nobleness in the cultural space of Germany and the context of modern challenges]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 9 (5A), pp. 160-170. DOI 10.34670/AR.2019.45.5.021

Keywords

Nobleness, multiculturalism, collapse of culture, burgher culture, cultural dialogue.

References

1. Bakhtin M.M. (1994) *Problema tvorchestva Dostoevskogo* [The problem of creativity of Dostoevsky]. Kiev.
2. (1923) *Die Gartenlaube*. Leipzig.
3. (2010) *Die schönsten deutschen Gedichte. Herausgegeben von Lukas Moritz*. Köln.
4. (2008) *Duden. Zitate und Aussprüche. B. 12*. München.
5. Eagleton T. (2000) *The Idea of Culture*. Wiley-Blackwell.
6. Eckerman I.P. (2018) *Razgovory o Gete* [Talk about Goethe]. Moscow.
7. Elias N.O. (2012) *On the Process of Civilisation*. University College Dublin Press.
8. Fischer J. (2016) *Süddeutsche Zeitung. Das Ende des Westens*, 12 Dezember.
9. Goethe V. (1977) *Sobranie sochinenii v 10 tomakh* [Collected Works in 10 volumes]. Moscow. Vol 1, 5.
10. Grimm J., Grimm W. (1984) *Deutsches Wörterbuch. B. 7*. Leipzig.
11. Huizinga J. (1936) *In the shadow of tomorrow*. W.W. Norton & Company.
12. Lisovich I.I. (2013) Transformatsiya kul'turnoi pamyati i nauchnoe znanie v Evrope rannego Novogo vremeni [The transformation of cultural memory and scientific knowledge in Europe of the early New Age]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 4, pp. 103-110.
13. Sarrazin T. (2010) *Deutschland schafft sich ab*. Deutsche Verlags-Anstalt.
14. Scherr J. (1858) *Deutsche Kultur und Sitten Geschichte*. Leipzig.
15. Schiller F. (2012) *Sobranie sochinenii v 6 t.* [Collected Works in 6 vols.]. Moscow. Vol. 6.
16. (1904) *Schillers sämtliche Werke in 16 Bänden. B. 2*. Stuttgart-Berlin.
17. Tacitus K. (2013) *Annals*. Penguin Classics.
18. Trubetskoi N. (2012) *Nasledie Chingiskhana* [The legacy of Genghis Khan]. Moscow.
19. Zakharov V.V., Kulishov V.D. (2003) *Vpredverii katastrofy. Germaniya 1933-1939 gg.* [In anticipation of the disaster. Germany in 1933-1939]. Moscow.